

Власть и насилие в реализме Ганса Моргентау

Сергей Кучеренко

Аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: sakucherenko@hse.ru

Развитие политического реализма в англоязычной среде обусловило то, что слово «power» обозначает целый спектр понятий, которые в рамках различных политических теорий оказываются подчас несовместимыми друг с другом. Предметом наибольших споров является соотношение понятия собственно политической власти (*power as authority*) и могущества, способности принуждать силой (*power as might*). Исследования политического реализма последних десятилетий направлены на критику якобы бытовавшего в среде реалистов и неореалистов упрощенного понимания власти как материального могущества. Фигура Ганса Моргентау как основателя школы политического реализма используется в рамках этой критической традиции для переопределения ключевых понятий реализма и критики политического реализма как «неверного своим корням». В настоящей статье рассматривается попытка перевода понятия власти у Г. Моргентау с использованием понятийного аппарата Ханны Арендт, результатом которого становится расщепление понятия власти у Моргентау на позитивное и нормативное, и устранение насилия/принуждения как необходимого компонента политики. Автор статьи показывает, что понятие власти у Моргентау неразрывно связано с насилием/принуждением, и потому не может быть разделено на два. Попытка устраниить насилие из понятия о власти и политике противоречит программе политического реализма, предложенной Гансом Моргентай, и лишает реализм его критического потенциала.

Ключевые слова: власть, насилие, легитимность, политический реализм, Ганс Моргентай, Ханна Арендт

Политический реализм занимает одно из центральных мест в международно-политической науке. Триумф реализма, наступивший после Второй мировой войны, сделал его крупнейшей школой в теории международных отношений на долгие годы. Наибольшего успеха добились так называемые структурные реалисты, доминировавшие в дисциплине в 1970–1980-е годы. Однако после долгого периода господства реализм резко утратил популярность в связи с окончанием холодной войны и распадом bipolarной системы международных отношений. Несмотря на то, что реализм в настоящее время не обладает такими же сильными позициями, он все еще привлекает внимание ученых. Исследования реализма последних десятилетий посвящены интерпретации классических работ, прежде всего Г. Мор-

гентау и Р. Нибура, с целью обнаружить в них содержание, релевантное текущему моменту. В статье мы рассмотрим понятие власти в классическом реализме Г. Моргентау.

Понятие власти — ключевое в политическом реализме (Baldwin, 2016: 123–125; Walt, 2002: 222). При этом, как отмечает С. Уолт, оно остается одним из самых туманных и неопределенных. Подобная неопределенность удобна для критиков политического реализма, так как позволяет интерпретировать «власть» наиболее удобным для них образом. Одним из таких проблематичных мест оказывается вопрос о соотношении власти и силы в политическом реализме. Наиболее часто реализму приписывается восходящее еще к Фукидиду утверждение (наиболее отчетливо высказанное в Мелийском диалоге «Истории Пелопонесской войны»), что сила есть источник власти. Хотя до сих пор идут споры о том, какое значение этому отрывку придавал сам Фукидид, важной деталью остается то, что структурные реалисты согласны с ним в той или иной степени, причем иногда ссылаясь на него непосредственно (Mearsheimer, 2001: 163).

Традиционной критикой в адрес структурного реализма стало обвинение в упрощении понятия «власть» (*power*). В частности, это упрек в том, что неореалисты сводят понятие власти к материальным ресурсам (*material capabilities*), прежде всего к военной силе, несколько реже — к способности оказывать экономическое давление. Если у К. Уолца такое упрощение обнаружить сложно (как и вообще какое-либо отчетливое определение термина «*power*») (Waltz, 2001: 2007), то Р. Гилпин и Дж. Миршаймер в своих основных трудах прямо заявляют, что используют слово «*power*» в контексте международной политики прежде всего для обозначения способности государств наносить друг другу ущерб, а в узком смысле — военной силы государств (Gilpin, 1987: 13; Mearsheimer, 2001: 56). Критики такого подхода утверждают, что Г. Моргентау обладал более тонким пониманием власти, не допускающим редукции к материальной силе. Структурный реализм, таким образом, «извращает» идеи Моргентау, которые нам необходимо очистить от неправильных интерпретаций и создать реализм, лишенный силовых коннотаций. Ярким представителем этой позиции является М. Уильямс (Williams 2005), кроме него возможно упомянуть Р. Эшли (Ashley, 1984) и М. Дж. Сmita (Smith, 1986).

В настоящей статье основное внимание мы уделим работе Ганса Моргентау *«La notion du politique»*, вышедшей в 1933 году на французском языке. Эта книга посвящена установлению различия между политическими и правовыми спорами в международной сфере, для чего автор, полемизируя с Карлом Шmittом, выводит свое понятие политического. В отличие от формального определения Шмита, выстроенного вокруг отношения «друг — враг», Моргентау указывает на власть как на предмет политического. Таким образом, Моргентау делает понятие власти одним из центральных своего политического реализма, а саму монографию *«La notion du politique»* — одной из главных.

Несмотря на важность, «*La notion du politique*» в течение долгого времени оставалась в тени более поздних работ Моргентау. Исключением можно считать работу Уильяма Шойерманна «Carl Schmitt: The End of Law», исследующую, среди прочего, влияние Моргентау на Шмитта. Новейший интерес к «*La notion du politique*» связан с выходом в 2012 году перевода на английский язык, который сделал ее более доступной, но одновременно поставил вопрос о том, было ли единым понятие власти у Моргентау. Самым крупным комментарием к «Понятию политического» на текущий момент является предисловие к переводу за авторством Хартмута Бера и Феликса Рёша (Behr, Rösch, 2012), где они обращают внимание на тот факт, что Моргентау пользуется множеством терминов для обозначения власти во французском тексте, но в англоязычный период — лишь словом «power». Как полагают авторы, Моргентау оперирует несколькими понятиями политической власти, одно из которых имеет «непринудительный» характер и лишено силовых коннотаций, что близко к позиции исследователей реализма Моргентау, упомянутых выше.

Толкование, предложенное Бером и Рёшем, обнаруживает у Моргентау два типа власти: эмпирический (*rouvoir*), описывающий реальные отношения подчинения и принуждения между людьми, и нормативный (*puissance*), под которым подразумевается власть как автономия и способность к творению ценностей. Нормативная власть в таком прочтении сближается с понятием власти у Ф. Ницше и Х. Арендт и в пределе подчиняет политическую власть той или иной морали. Исчезновение отдельных понятий в англоязычных работах Моргентау объясняется Рёшем как отказ от рассмотрения нормативного понятия власти и смещение внимания на эмпирическую власть.

На наш взгляд, попытка разделить понятие власти на два понятия, обозначающие предположительно разные феномены, недопустима. Два понятия власти из предисловия Бера и Рёша обладают этическими коннотациями. *Rouvoir* в тексте Рёша ассоциируется с насилием и принуждением, тогда как *puissance* носит эмансилирующий и творческий характер. Такое различие привносит в реализм Моргентау элемент политического морализма, разделяет власть на «хорошую» и «дурную». Автор настоящей статьи выступает за истолкование власти в реализме Моргентау как единого явления, которое обладает одной и той же формой и происхождением вне зависимости от того, используется оно как цель или же как средство. Единство власти в политическом реализме вытекает из антропологических представлений Моргентау о человеке как о существе, от природы склонном к подчинению других людей. Различные термины французского текста «Понятия политического» у Моргентау указывают не на два рядоположных типа власти, но на различные элементы одного и того же явления. Моргентау описывает *puissance* как опирающуюся на наличие *rouvoir*, и наоборот, *rouvoir* может являться одним из следствий наличия *puissance*. Власть (*puissance*) с точки зрения политического реализма сама по себе есть верховная ценность, и попытка ее оценки с помощью

внешних критериев противоречит основным принципам политического реализма Моргентау.

Две власти в политическом реализме...

В настоящем разделе мы рассмотрим, как понятие власти у Моргентау истолковывают Бер и Рёш в предисловии к «Понятию политического». Отправным пунктом для них выступает тот факт, что до Второй мировой войны Моргентау писал на немецком и французском языке, используя пары терминов *Macht/Kraft* и *pouvoir/puissance*. Позднее, в англоязычный период, Моргентау откажется от нескольких терминов и будет обозначать власть одним словом *power*. Как полагают Бер и Рёш, использование Гансом Моргентау парных терминов указывает на то, что у него присутствуют два понятия власти: эмпирическое и нормативное, обозначенные словами *pouvoir* и *puissance* соответственно. *Pouvoir* в такой трактовке означает способность подчинять людей, тогда как *puissance* подразумевает «намерение добровольно и согласованно действовать с целью создания общего жизненного мира» (Behr, Rösch, 2012: 47–48).

Перед рассмотрением самой пары *pouvoir/puissance* Бер и Рёш делают небольшое отступление, чтобы указать на важность понятия о природе человека в реализме Моргентау. Природа человека фигурирует уже в самых ранних работах Моргентау, в том числе и в неизданной рукописи «Über die Herkunft des Politischen aus dem Wesen des Menschen» («Происхождение политического из природы человека») (*Ibid.*: 49). Человек по своей природе стремится к признанию со стороны других людей. Это происходит из осознания человеком собственной ограниченности, конечности и имеет целью преодоление собственных границ (Morgenthau, 1962b). Такая жажда признания, отчасти сходная с той, что описана Г. Гегелем, способна принимать самые разные формы — от желания взаимной любви до географических путешествий или коллекционирования. Объединяет их один общий элемент — стремление повлиять на окружающий мир, подчинить его и как можно более прочно утвердиться в нем (Behr, Rösch, 2012: 51). Одним из проявлений этого желания является стремление подчинять волю других людей своей собственной воле, или *власть*. Господствуя над другими людьми, человек может в значительной мере преодолеть собственную ограниченность, так как он, во-первых, передает содержание своей воли другому человеку, а во-вторых, воспринимает в окружающем мире изменения, творцом которых сам является.

От рассмотрения человеческой природы как источника жажды власти Бер и Рёш переходят к исследованию первого понимания власти. *Pouvoir* или «эмпирическая власть» — это одна из форм проявления стремления к власти, заложенного в человеческой природе. Как полагают Бер и Рёш, этим словом у Моргентау обозначено чистое стремление к господству, характерное для эпохи модерна. Такое проявление природы человека становится возможным из-за процесса секуляризации и расколдовывания мира, в результате которого человек утрачивает представ-

ление о трансцендентных ценностях (*Ibid.*: 52). На место религиозных ценностей приходят политические идеологии, прежде всего национализм, а также коммунизм и фашизм, которые дают человеку возможность удовлетворения в виде преданности своему коллективу и идентификации себя с его достижениями. Вместе с тем у этого процесса есть и обратная сторона в виде все большего угнетения свобод отдельного человека, в том числе и в сфере морали. Государства создают единую систему образования и контролируют массовую культуру, чтобы в конечном счете контролировать творческие способности человека. В крайних формах это приводит к законодательному запрету идеологически «неверных» предметов культуры и даже научных теорий (*Ibid.*: 53–54).

В таких условиях стремление к признанию не может выражаться творчески и принимает форму лишь голого стремления к подчинению. Определение, которое Моргентау дает слову *power* в «Политических отношениях между народами», почти полностью повторяет определение Макса Вебера из «Хозяйства и общества» (Hans-Karl Pichler, 1998; Turner, 2009):

Политическая власть (political power) — это психологическое отношение между тем, кто власть осуществляет, и тем, над кем власть осуществляется. Первому из них она дает контроль над определенными действиями второго посредством определенного рода воздействия на его разум (mind). Такое воздействие может иметь три источника: ожидание выгоды, боязнь понести ущерб и уважение к человеку либо институтам. Власть может осуществляться в форме приказов, угроз, авторитета или харизмы человека или же учреждения, а также с помощью сочетаний всего вышеперечисленного. В свете такого определения необходимо провести четыре различия: между властью и влиянием, властью и силой (force), между устойчивой и неустойчивой властью, между легитимной и нелегитимной властью. (Morgenthau, 1997: 32–33)

Такое выражение человеческой природы чревато тем, что склоняет людей к вражде и бессмысленной конкуренции. Если во внутренней политике она может быть подавлена и преобразована государством, то стремление к *rouvoir* на международной арене имеет разрушительные последствия. Суммируя сказанное Бером и Рёшем, можно заключить, что *rouvoir* в их трактовке — это способность подчинять других людей своей воле, которая подразумевает возможность принуждения, насилия.

«Эмпирическому пониманию власти» Бер и Рёш противопоставляют «нормативное понимание» (*puissance*) как стремление людей к сотрудничеству ради создания единого жизненного мира. Как они отмечают, корни этого понятия лежат в значительном влиянии, которое оказал Ницше на Моргентау. Он, как и Ницше, считает необходимым преодоление нигилизма путем освобождения человека, который теперь должен стать сознательным творцом новых ценностей и своей судьбы. Это требование вступает в конфликт с господствующими идеологиями, которые, хотя и подчиняют человека, все же дают ему простые и понятные от-

веты на вечные вопросы. Несмотря на это, от человека требуется осознать свое положение, после чего стать Сверхчеловеком, чтобы полностью реализовать свою способность к творчеству. Как полагают Бер и Рёш, именно о ницшеанской воле к власти идет речь, когда Моргентай пишет о воле к власти в «Понятии политического» (Behr, Rösch, 2012: 61; Morgenthau, 2012: 106).

Далее Рёш переходит к вопросу о возможном взаимном влиянии Ганса Моргентая и Ханны Арендт. Моргентай не может удовлетвориться волей к власти отдельного индивида, так как «нет ничего более бессмысленного для сознания человека, нежели мораль, безразличная к распаду общества» (Morgenthau, 2012: 62). Понятие *puissance* приобретает отчетливо коллективный характер: это не просто власть как утверждение своей идентичности и создание ценностей, но создание ценностей, ориентированных на политическое сообщество. Здесь обнаруживается максимальное сближение Моргентая и Арендт: в работе «О насилии» Ханна Арендт определяет власть как способность коллектива к слаженному согласованному действию ради общей цели, и отделяет ее от смежных понятий вроде принуждения и авторитета. Очень важным моментом является то, что власть — это нечто противоположное насилию, сугубо добровольное (Арендт, 2014: 52). В этом определении власть, по сути, добровольна, действия людей организованы ради какой-то цели, которая не совпадает с приобретением, сохранением и преумножением власти. Такое истолкование термина *puissance* отчасти сближает его с пониманием власти в теориях общественного договора, где проводится строгое различие между властью легитимной и нелегитимной. Легитимная власть — это власть, которая убеждает своего субъекта какими-то аргументами сверх простой угрозы наказания за неповиновение. Только такая власть, по сути, может считаться политической властью, тогда как подчинение людей, опирающееся исключительно на насилие, ничем не отличается от полного безвластия, как отмечает Томас Гоббс в 20 главе «Левиафана». Можно сказать, что основное отличие, которое Бер и Рёш устанавливают между *rouvoir* и *puissance* в своем анализе, заключается в том, насколько принудительный характер имеет эта власть для каждого конкретного субъекта. Наконец делается вывод о том, что Моргентай мыслил «нормативную власть» как власть, имеющую цель. Такой целью является обеспечение людей возможностью раскрыть свой потенциал и действовать в согласии друг с другом (Behr, Rösch, 2012: 63–64). В этой перспективе *puissance* еще сильнее сближается с понятием власти в теориях общественного договора, где власть не самоценна, но имеет функцию: установление социального порядка и предотвращение насилия и хаоса. Повторно Рёш возвращается к теме двойного понятия власти у Моргентая в монографии 2015 года, хотя в целом соответствующая глава повторяет аргументы из «Предисловия», рассмотренные выше (Rösch, 2015: 54–63).

Основные выводы Рёша можно обобщить следующим образом: у Моргенту есть два понятия власти, которые представляют собой разные проявления стремления к признанию, присущего человеку по природе. Первое обозначается в ранних работах словом *rouvoir* и напоминает власть Веберовском понимании — спо-

собность подчинять других людей своей воле. Второе — это *puissance* — власть в ницшеанском смысле, власть как способность принять реальность мира и быть творцом своих ценностей. Более того, делается утверждение о том, что Моргентай сохраняет это разделение на протяжении всего своего творчества, хотя и не проводит его в явном виде. Чтобы понять, почему Моргентау отказался от этого различия в англоязычный период творчества, Бер и Рёш приводят два объяснения. Первое заключается в том, что это было попыткой скрыть свое немецкое, «континентальное» происхождение в pragmatических целях. Второе утверждает, что Моргентау концентрируется на международной политике и преимущественно анализирует только так называемую эмпирическую власть. Соответственно и его теоретические изыскания, такие как анализ связи природы человека с феноменом власти, посвящены именно первому пониманию власти (*pouvoir*) (Behr, Rösch, 2012: 57–64).

Какие следствия могут быть получены из толкования Бера и Рёша? Как они сами отмечают, их попытка расщепить надвое понятие власти у Моргентау предпринимается перед лицом все еще не сдающего позиции прочтения Моргентау в качестве сторонника *Machtpolitik* (Ibid.: 48). Как было упомянуто в начале настоящей статьи, выхолачивание понятия власти в международно-политической науке действительно имеет место. Особенно оно сильно в структурном реализме, где словом *power* обозначается почти исключительно объем военной и экономической мощи, т. е. способность оказывать и выдерживать давление. Бер и Рёш не отрицают, что аналогичное понятие существует у Моргентау, но решают противопоставить ему понятие «нормативной власти».

Однако что подразумевается под нормативностью? Бер и Рёш цитируют фрагмент, где Моргентау прямо указывает на то, что политическое действие — это также и моральное действие, что политическое действие может быть определено как «попытка выразить моральные ценности через политический медиум — власть» (Ibid.: 57; Morgenthau, 1962a). Иначе говоря, под «нормативной властью» скрывается так называемый политический морализм, который требует получать и использовать власть не ради еще большей власти, но ради какой-то другой ценности. Бер и Рёш называют в качестве такой ценности установление социального порядка, который бы позволил человеку в полной мере развить свой творческий потенциал. Аргументы Бера и Рёша не касаются самого главного: необходимости выделения двух типов власти вместо описания двух способов использования одной и той же по своей природе власти. Фактически они никак не уточняют, в чем состоит отличие *puissance* от *pouvoir* по своему устройству: для *pouvoir* они указывают на механизм действия, тогда как для *puissance* описывают исключительно то, на достижение каких целей она может быть направлена. Ссылки на поздние работы Моргентау, приведенные Бером и Рёшем, не вполне убедительны, так как ни по одной из них Моргентау не формулирует дополнительного понятия власти, отличного от того, что содержится в «Политических отношениях между народами». Сложности добавляет и то, что во всех англоязычных работах Моргентау

использует лишь один термин — *power*. Не исключено, что желание Бера и Рёша разделить понятие власти на два продиктовано тем, что Моргентау в «Понятии политического» использует несколько французских терминов. Однако, как будет показано ниже, употребление терминов демонстрирует, что они обозначают не виды власти, но разные ее элементы: *pouvoir* является частным проявлением *puissance*.

...или все-таки одна?

Прежде всего необходимо коснуться вопроса о терминах во французском тексте Моргентау, поскольку именно они служат отправной точкой рассуждений Бера и Рёша. Слово *pouvoir* используется в тексте Моргентау всего шесть раз, дважды обозначая уже существующие отношения подчинения между индивидами и четырех раз — власть в контексте способностей влиять и добиваться целей *в рамках правовой системы*. Действительно, *pouvoir* похоже по определению на власть у Вебера, то есть оно обозначает власть как способность добиваться цели, преодолевая сопротивление, возможность что-то делать. *Puissance*, напротив, имеет отчетливые политические коннотации вроде могущества, мощи. Во-первых, именно этим словом обозначена власть, «достижение, сохранение и преумножение» которой является целью государственных деятелей (Morgenthau, 2012: 118). Во-вторых, когда Моргентау дает определение политического спора как такого, который связан с вопросом власти государства над своими субъектами, он использует именно слово *puissance* (*Ibid.*: 120; Morgenthau, 1933: 64). Наконец, в двух местах Моргентау указывает на изменение объема политической власти через изменение способности оказывать воздействие. В одном случае он использует во французском оригинале *force*, во втором — *pouvoir* (Morgenthau, 2012: 125). Это указывает на то, что *pouvoir* в терминологии Моргентау — это технический термин, обозначающий наличие какой-то способности. *Puissance* обозначает могущество в целом, которое может и должна включать отдельные *pouvoirs*. Текст «Понятия политического», таким образом, не дает оснований предположить, что Моргентау различает типы власти с помощью терминов, как это утверждают Бер и Рёш. Термины *pouvoir* и *puissance* обозначают не два разных явления, но части одного целого. Вместе с тем само различие на эмпирическую и нормативную власть, которое производят Бер и Рёш, может быть не привязано к конкретным терминам и иметь определенную исследовательскую ценность. Ниже рассмотрим, какую роль нормативность и понятие о ценности играют в реализме Ганса Моргентау, и как с ними соотносится разделение, предложенное Рёшем.

Чтобы дать политическому сущностное истолкование, в «Понятии политического» Моргентау полемизирует с работой Карла Шмитта, носящей такое же название. Целью работы Моргентау является отыскание предмета политики, чтобы получить способ различать политические и неполитические споры между государствами. В качестве отправной точки он берет актуальный на тот момент трактат Шмитта, также озаглавленный «Понятие политического», в котором попытка

определить политическое делается через различие «друга» и «врага». Это различие определяет в качестве врагов тех, с кем возможна смертельная борьба безотносительно всяких других различий, в том числе моральных и юридических. Такое свойство оппозиции «друг-враг» заставляет ее быть важнее и первостепеннее всех других различий.

Критика Моргентау направлена против этой оппозиции, которая не устраивает его по двум причинам. Во-первых, «друг» и «враг» — это понятия эмоциональные, описывающие межличностную симпатию/антипатию, а потому они не вполне применимы в сфере политики, где часто отношения лишены подобных эмоциональных коннотаций. Во-вторых, утверждает Моргентау, оппозиция «друга» и «врага», взятая наиболее абстрактно, сугубо формальна, и в этом аспекте не позволяет нам на практике отличать политическое от неполитического. Это связано с тем, что в каждом конкретном отношении присутствуют формальные элементы во всех абстрактных типах отношений.

Чтобы продемонстрировать это, Моргентау воспроизводит классический набор оппозиций из «Понятия политического» Шмитта: сущность эстетического состоит в оппозиции «прекрасного» и «безобразного», сущность нравственного — в оппозиции «хорошего» и «дурного», сущность экономического — в оппозиции «полезного» и «вредного». Политическое, по Шмитту, оказывается оппозицией «друга» и «врага».

Основной тезис Моргентау состоит в том, что до тех пор, пока Шмитт настаивает на формальной оппозиции «друг» — «враг», эта оппозиция может быть обнаружена и в этике, и в экономике и т. п. Если избавиться от коннотаций, связанных с обыденным пониманием дружбы как формы личных отношений, то другом можно считать того, кто помогает нам достигать определенных целей, а врагом — того, кто ставит нам преграды. Иначе говоря, «друг» — это человек, «полезный» для достижения определенных целей, тогда как «враг» — «вредный». При таком рассмотрении оказывается, что «друг» и «враг» могут существовать и в эстетической перспективе, и в какой угодно другой. Значит ли это, что все сферы оказываются политическими, раз в них возможна оппозиция «друга» и «врага»?

Моргентау не согласен с этим, так как формальные аспекты политического различия могут быть обнаружены буквально во всем, как и другие формальные различия: например, оппозиция «полезного» (как способствующего достижению внешней цели) и «вредного» — это оппозиция экономическая, но позволяющая найти себя в любых явлениях. Моргентау подчеркивает, что, обнаруживая политическое различие во всяком отношении, мы обнаруживаем одновременно и экономическое различие. Точно так же и моральное различие «добра» и «зла» может быть проведено в отношении чего угодно (и прямо внутри уже совпавших политического и экономического различий). Таким образом, попытка различить политические и неполитические международно-правовые споры на основании сугубо формальных различий терпит неудачу (Morgenthau, 2012: 109–16).

Для того чтобы ввести подобное различение, необходимо найти политическое «*in a specific sence*», то есть особый предмет политики. Допустив, что в случае экономики речь идет о богатстве, а в случае морали — о соответствии общепринятым нормам, Моргентау дает следующее сущностное определение политического: «Политическое в специальном смысле состоит в определенной степени интенсивности связи, создаваемой волей государства к власти (*puissance*) между его подданными и самим государством» (Ibid.: 120; Morgenthau, 1933: 64).

Таким образом, сфера политического — это сфера, в которой власть выступает основной ценностью, целевой причиной действий политика. Более явно Моргентау воспроизводит этот тезис в «Шести принципах политического реализма», когда говорит об «интересе, определенном как власть», который является основным инструментом оценки и изучения политических процессов (Morgenthau, 1997: 5). Власть для Моргентау — это способность подчинять других людей своей воле, она может выступать как в качестве самостоятельной ценности (тогда ситуация становится политической), так и в качестве инструмента для достижения каких-либо других целей. В таком свете жесткое разделение на «нормативную» и «эмпирическую» власть у Бера и Рёша выглядит не вполне обоснованным, так как власть остается одним и тем же феноменом. Таким образом, целесообразнее заключить, что власть для Моргентау представляет собой онтологически единое явление. Как было продемонстрировано выше, это могущество, выраженное в способности подчинять своей воле других людей как мирными средствами, так и с помощью насилия. Вопрос о нормативности власти не позволяет разделить власть на два разных понятия и тем более — на два разных явления. Напротив, власть — это одно и то же явление, имеющее корнем единую для всех и неизменную человеческую природу. Различие возможно лишь в отношении того, выступает ли власть самостоятельной ценностью, либо используется ради достижения других целей.

Наше толкование не ставит своей задачей опровергнуть толкование Бера и Рёша по всем пунктам. Там, где они усматривают два понятия власти, обозначающие, возможно, два разных явления, мы утверждаем наличие одного явления, а также одного цельного понятия. Отказ Моргентау от множества терминов продиктован, предположительно, стремлением подчеркнуть единство власти. Для обозначения различных свойств, которые власть может на себя принять, он использует эпитеты вроде «легитимная власть» и т. п. Как мы полагаем, такое толкование Моргентау ближе к тексту «Понятия политического», где термины образуют строгую иерархию и *rouvoir* обозначает скорее отдельную конкретную способность влиять на других, составную часть *puissance*.

Заключение

Подводя итог нашему рассмотрению власти, можно сказать следующее. Основным недостатком в истолковании Бера и Рёша, на наш взгляд, является разделение власти в политическом реализме Ганса Моргентау на два явления. Разделение власти

на эмпирическую и нормативную содержит в себе элемент моральной оценки, где эмпирическая власть, автономная и сопряженная с насилием, несет отрицательные коннотации. Нормативная власть в данном случае означает власть, поставленную на службу неполитическим целям, таким как создание социального порядка, который бы не подавлял творческие способности людей и позволял бы им преследовать свои интересы. Бер и Рёш, как было написано выше, следуют традиции общественного договора, в которой простое подчинение человека человеком еще не считается властью. Такого рода различие всегда строится вокруг идеи легитимности и — шире — вокруг подчинения власти внеполитическим целям. Фактически Бер и Рёш предлагают форму деполитизации, после которой борьба за власть утратит самостоятельную ценность и власть станет инструментом гарантии какой-то внешней по отношению к ней ценности.

С точки зрения политического реализма такого рода противопоставление двух типов власти может привести к морализации политики. Основной опасностью является не столько подчинение власти каким-то внешним ценностям, сколько неудача, которой заканчивается любая попытка такого рода деполитизации. Власть в реализме Моргентау имеет своим источником неизменную природу человека, и потому содержит в себе неустранимое желание господства. О крайней трудности, даже невозможности обуздить жажду власти Моргентау говорит на протяжении всего своего творчества, в том числе в последней главе «Понятия политического», где он пишет о регулировании *политических* вопросов в рамках права, поскольку политическая борьба всегда требует изменения правовой системы.

Единое понятие о власти, как о едином феномене составляет ядро политического реализма Моргентау. Эта власть имеет источник в общей для всех и неизменной природе человека, а потому всегда содержит в себе угрозы, связанные со злоупотреблением властью и ее неизбежно насильственным характером. Истолкование политического в реализме осуществляется с позиции, в которой такая власть является основной ценностью. Попытка разделить власть на несколько типов, наделив их положительными и отрицательными коннотациями, вносит в политический реализм чуждый ему элемент внеполитической оценки и в конечном счете лишает политический реализм его критического потенциала. Утверждение о том, что может быть какая-то «хорошая» нормативная власть, создает ложную надежду на решение политических проблем с помощью этики, надежду, для критики которой был создан политический реализм.

Литература

- Арендт Х. (2014). О насилии / Пер. с англ. Г. М. Дащевского. М.: Новое издательство.
- Ashley R. K. (1984). The Poverty of Neorealism // International Organization. Vol. 38. № 2. P. 225–286.

- Baldwin D. A. (2016). Power and International Relations: A Conceptual Approach. Princeton: Princeton University Press.
- Behr H., Rösch F. (2012). Introduction // Morgenthau H. J. The Concept of the Political. L.: Palgrave Macmillan. P. 3–47.
- Gilpin R. (1987). War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mearsheimer J. J. (2001). The Tragedy of Great Power Politics. N. Y.: W. W. Norton.
- Morgenthau H. J. (1933). La notion du “politique” et la théorie des différends internationaux. Paris: Recueil Sirey.
- Morgenthau H. J. (1962a). Decision-Making in the Nuclear Age // Bulletin of the Atomic Scientists. Vol. 18. № 10. P. 7–8.
- Morgenthau H. J. (1962b). Love and Power // Commentary. Vol. 33. № 3. P. 247–251.
- Morgenthau H. J. (2012). The Concept of the Political. L.: Palgrave Macmillan.
- Morgenthau H. J., Thompson K. W. (1997). Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. Singapore: McGraw-Hill.
- Pichler H.-K. (1998). The Godfathers of «Truth»: Max Weber and Carl Schmitt in Morgenthau's Theory of Power Politics // Review of International Studies. Vol. 24. № 2. P. 185–200.
- Rösch F. (2015). Power, Knowledge, and Dissent in Morgenthau's Worldview. L.: Palgrave Macmillan.
- Smith M. J. (1986). Realist Thought from Weber to Kissinger. Baton Rouge: Louisiana State University Press.
- Turner S. P. (2009). Hans J. Morgenthau and the Legacy of Max Weber. URL: <http://www.academia.edu/download/30746460/39WebMorgenthauWeber2009.pdf> (дата доступа: 20.10.2019).
- Walt S. M. (2002). The Enduring Relevance of the Realist Tradition // Katzenbach I., Milner H. V. (eds.). Political Science: State of the Discipline. N. Y.: W. W. Norton. P. 197–234.
- Waltz K. N. (2001). Man, the State and War: A Theoretical Analysis. N. Y.: Columbia University Press.
- Waltz K. N. (2007). Theory of International Politics. Boston: McGraw-Hill.
- Williams M. C. (2005). The Realist Tradition and the Limits of International Relations. Cambridge: Cambridge University Press.

Power and Violence in the Realism of Hans J. Morgenthau

Sergey Kucherenko

Graduate student, School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University — High School of Economics

Address: Myasnitskaya str, 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: sakucherenko@hse.ru

The development of political realism found mainly in English works determined the fact that the term "power" denotes a wide range of concepts which at times turn out to be contradictory. Among the deepest problems is the relation of the concept of political power (authority) and power as the capability to coerce (might). The realism studies of recent decades are aimed to criticize the perceived neorealist misinterpretation of power as a material capability. The figure of Hans J. Morgenthau, an acknowledged founder of the realist school of thought in IR, is used by the critics to redefine power and to criticize neorealism as "unfaithful to its origin." This article analyzes the attempt to reinterpret Morgenthau's concept of power with the help of Arendt's notion of power. This re-interpretation results in the splitting of Morgenthau's understanding of power into two concepts, one of which is devoid of violence and coercion. The author claims that Morgenthau's notion of power is essentially violent, and therefore cannot be split into two on such grounds. An attempt to create a non-violent concept of power within Morgenthau's theoretical framework results in the loss of the critical potential of his project of political realism.

Keywords: power, violence, Morgenthau, Arendt, realism studies

References

- Arendt H. (2014) *O nasilii* [On Violence], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Ashley R. K. (1984) The Poverty of Neorealism. *International Organization*, vol. 38, no 2, p. 225–286.
- Baldwin D. A. (2016) *Power and International Relations: A Conceptual Approach*, Princeton: Princeton University Press.
- Behr H., Rösch F. (2012) Introduction. Morgenthau H. J., *The Concept of the Political*, London: Palgrave Macmillan, pp. 3–47.
- Gilpin R. (1987) *War and Change in World Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Mearsheimer J. J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*, New York: W. W. Norton.
- Morgenthau H. J. (1933) *La notion du "politique" et la théorie des différends internationaux*, Paris: Recueil Sirey.
- Morgenthau H. J. (1962a) Decision-Making in the Nuclear Age. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 18, no 10, pp. 7–8.
- Morgenthau H. J. (1962b) Love and Power. *Commentary*, vol. 33, no 3, pp. 247–251.
- Morgenthau H. J. (2012) *The Concept of the Political*, London: Palgrave Macmillan.
- Pichler H.-K. (1998) The Godfathers of "Truth": Max Weber and Carl Schmitt in Morgenthau's Theory of Power Politics. *Review of International Studies*, vol. 24, no 2, pp. 185–200.
- Morgenthau H. J., Thompson K. W. (1997) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*, Singapore: McGraw-Hill.
- Rösch F. (2015) *Power, Knowledge, and Dissent in Morgenthau's Worldview*, London: Palgrave Macmillan.
- Smith M. J. (1986) *Realist Thought from Weber to Kissinger*, Baton Rouge: Louisiana State University Press.
- Turner S. P. (2009) *Hans J. Morgenthau and the Legacy of Max Weber*. Available at: <http://www.academia.edu/download/30746460/39WebMorgenthauWeber2009.pdf> (accessed 20 October 2019).
- Walt S. M. (2002) The Enduring Relevance of the Realist Tradition. *Political Science: State of the Discipline* (eds. I. Katzenelson, H. V. Milner), New York: W. W. Norton, pp. 197–234.

- Waltz K. N. (2001) *Man, the State and War: A Theoretical Analysis*, New York: Columbia University Press.
- Waltz K. N. (2007) *Theory of International Politics*, Boston: McGraw-Hill.
- Williams M. C. (2005) *The Realist Tradition and the Limits of International Relations*, Cambridge: Cambridge University Press.